

Лилия Тимолаева

ОПЕКУНША
ДРАКОНЬЕЙ СИРОТЫ
Усадьбу,
которую хотят отнять

Лилия Тимолаева

**Опекунша драконьей сироты.
Усадьбу, которую хотят отнять**

«Литнет»

2026

Тимолаева Л.

Опекунша драконьей сироты. Усадьбу, которую хотят отнять /
Л. Тимолаева — «Литнет», 2026

Я очнулась в чужом теле в тот момент, когда усадьбу «Семь Окон» собирались продать за долги. Теперь меня зовут Савина Лорк. У меня есть девятилетняя племянница-дракон, которая уверена, что я снова ее брошу, почти остановленная стекольная мастерская и долг в тридцать две тысячи корон. А еще есть Гарет Солвей — дракон, второй опекун Лиссы и человек, которому есть за что мне не доверять. До окончательных торгов всего сорок пять дней. Чтобы сохранить дом девочки, мне придется разобраться в чужих счетах, вернуть мастерской заказы и выяснить, почему процветающее когда-то дело оказалось на грани разорения. Только очень скоро становится ясно: «Семь Окон» не просто неудачно вели дела. Кто-то методично загонял усадьбу в долги. И теперь он намерен забрать ее себе.

Содержание

Глава 1. Цена нашего дома	5
Глава 2. Семь Окон	26
Глава 3. Первая печь	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Глава 1. Цена нашего дома

— Двадцать восемь тысяч четыреста корон за главный дом, западный сад, хозяйственный двор и прилегающую землю. Стекольная мастерская оценивается отдельно.

Мужчина за небольшим столом произнес это так буднично, словно речь шла не о чужой жизни, а о партии досок, которую собирались отправить на склад.

Я стояла посреди мощеного двора и никак не могла понять, почему цена незнакомого дома касается меня настолько, что все вокруг ждут моей реакции.

Перед столом собрались человек двадцать. Двое мужчин в серых мундирах ходили от двери к двери и крепили на косяки узкие полосы бумаги с красными печатями. Еще один сверял вещи в длинном списке. У конюшни спорили о стоимости двух темных лошадей. На ступенях главного дома стояла женщина в черном платье и с таким лицом, будто каждое новое число, произнесенное распорядителем, отнимало у нее что-то личное.

За воротами ждали экипажи.

Слишком много экипажей для обычного визита.

И слишком много людей, которые разглядывали дом с интересом покупателей.

Я опустила глаза на свои руки.

Пальцы были длиннее, чем я помнила. На правом безымянном пальце темнел след от недавно снятого кольца. Кожа на ладонях была гладкой, ногти короткими и аккуратными.

Это были не мои руки.

Последнее, что я помнила совершенно ясно, не имело никакого отношения ни к этому двору, ни к людям в длинных сюртуках, ни к дому с высокой серой крышей. Поздний вечер. Офис, в котором половина света уже выключена. Таблица расходов на экране. Спор с поставщиком, который в третий раз прислал счет с суммой, не совпадающей с договором. Я закрывала ноутбук и думала только о том, что завтра придется начинать этот разговор сначала.

А теперь передо мной продавали усадьбу.

И почему-то никто не удивлялся моему присутствию.

— Ты все-таки приехала.

Голос прозвучал справа.

Я повернула голову.

Рядом стояла девочка лет девяти. Темные волосы были собраны в две неравные косы, одна уже почти расплелась. Серое платье выглядело слишком строгим для ребенка, а на рукаве кто-то торопливо подшил манжету черной ниткой.

Она смотрела прямо на меня.

Не с радостью.

И даже не с любопытством.

С обидой, которая появилась не сегодня.

— Жаль, что поздно, — добавила она.

Я не нашла ответа.

Девочка, видимо, приняла молчание за что-то другое. Губы у нее дрогнули, но она быстро отвернулась к дому.

— Лисса, — негромко позвала женщина со ступеней.

Значит, Лисса.

Имя ничего мне не дало.

Я попробовала вспомнить свое.

Савина.

Оно возникло сразу, будто кто-то положил передо мной карточку с единственным правильным ответом.

Савина Лорк.

От этого стало только хуже, потому что я никогда не была Савиной Лорк.

— Госпожа Лорк, — обратился ко мне мужчина за столом. — Я вынужден еще раз спросить: вы намерены заявить возражение против описи?

Все лица повернулись ко мне.

В прошлой жизни я неплохо справлялась с переговорами, когда понимала предмет разговора. Сейчас предметом разговора, судя по всему, была моя собственная жизнь, о которой я не знала почти ничего.

— Прежде чем заявлять возражение, я хотела бы понять, на каком основании проводится опись.

Распорядитель слегка поднял брови.

Я решила считать это хорошим признаком. Видимо, от Савины Лорк ожидали либо истерики, либо молчаливого согласия, но не вопроса.

— На основании требования главного кредитора и распоряжения окружной имущественной палаты от двадцать второго дня летнего месяца. Уведомление вручено управляющему Семью Окнами три дня назад.

Семь Окон.

Я посмотрела на дом.

Теперь название обрело смысл. Фасад действительно был странным: на втором этаже располагались семь высоких окон, разделенных светлым камнем. Остальные части здания перестраивали, а эту, похоже, оставили прежней.

— Кто главный кредитор?

На этот раз распорядитель посмотрел на меня внимательнее.

— Господин Освальд Керр.

Ничего.

Ни имя, ни фамилия не вызвали воспоминаний.

— Размер долга?

— На сегодняшнее утро — тридцать одна тысяча девятьсот двадцать корон с начисленными сборами.

Я снова посмотрела на дом, потом на хозяйственные постройки за ним, на конюшню, на уходящую вправо аллею.

— Вы только что оценили основной дом и часть земли в двадцать восемь тысяч четыреста.

— Верно.

— И собираетесь отдельно оценить мастерскую.

— Да.

— Значит, имущество может стоить больше задолженности.

— Для этого и проводится опись.

— Нет. Для этого проводится оценка. Я спрашиваю о другом. Если задолженность составляет меньше стоимости всего имущества, почему в опись включен главный дом целиком, а не активы в объеме, достаточном для покрытия требования?

Кто-то в толпе тихо кашлянул.

Распорядитель сложил руки поверх бумаг.

— Потому что Семь Окон заложены господину Керру как единый имущественный комплекс.

Это уже звучало хуже.

— Включая землю?

— Включая основную землю, производственные здания и мастерскую.

— А имущество ребенка?

На последних словах взгляд распорядителя переместился к Лиссе.

Девочка тоже смотрела на него.

— Личные вещи наследницы в опись не входят.

— Только личные вещи?

Я не успела продолжить.

За воротами раздался резкий окрик, затем стук копыт по камню. Один из экипажей, стоявших снаружи, подался назад, освобождая дорогу.

Люди начали расступаться еще прежде, чем я увидела вошедшего мужчину.

Он не спешил. Высокий, темноволосый, в темно-сером дорожном сюртуке без лишних украшений. На воротнике серебром был вышит небольшой знак, напоминавший раскрытое крыло. За ним шел молодой человек с кожаной папкой под мышкой.

Незнакомец сразу направился к столу.

— Прекратите опись.

Распорядитель поднялся.

— Господин Солвей, у меня имеется действующее распоряжение палаты.

— А у меня имеется документ, зарегистрированный сегодня утром в окружном суде. Он имеет более позднюю дату вступления в силу и прямо приостанавливает любые действия с имуществом наследницы.

Он положил на стол бумагу.

Я заметила, что Лисса больше не смотрит на дом. Все ее внимание было приковано к мужчине.

Господин Солвей.

Фамилия ударила каким-то странным откликом, словно я услышала давно знакомое слово, но никак не могла вспомнить, где именно.

Мужчина тем временем протянул распорядителю вторую страницу.

— Здесь регистрационная отметка.

Тот пробежал глазами текст.

— Мне необходимо проверить печать.

— Проверяйте.

— До подтверждения подлинности...

— До подтверждения подлинности вы ничего не забираете, не запечатываете и не выставляете на торги.

Голос у Солвея оставался спокойным. Он не повышал его, но двое мужчин, которые крепили красные полосы на двери, уже остановились.

Распорядитель нахмурился.

— Вы ставите меня в сложное положение.

— Нет. В сложное положение вас поставил тот, кто не сообщил палате о дополнительном распоряжении покойных владельцев.

При слове «покойных» Лисса отвернулась.

Я заметила это раньше, чем успела задуматься, почему.

Солвей тоже заметил.

Он посмотрел на девочку, и на секунду его лицо изменилось. Совсем немного. Потом он снова повернулся к распорядителю.

— Снимите печати.

— Я не могу сделать это без проверки.

— Тогда оставьте людей здесь, отправьте помощника в город и проверьте. Я никуда не уеду.

Распорядитель явно хотел возразить, но передумал.

— Эйдан, возьми копию и езжай в канцелярию.

Один из мужчин в сером мундире подошел к столу.

Пока они обсуждали печати и номера записей, Солвей наконец посмотрел на меня. Немельком. Очень внимательно. Я успела понять две вещи. Он меня знал. И был совсем не рад встрече.

— Савина Лорк, — произнес он.

Это прозвучало не как вопрос.

— Гарет Солвей, — ответила я, потому что имя появилось вслед за фамилией.

Вот только я понятия не имела, откуда его знаю.

Он едва заметно прищурился.

— Значит, память у вас все-таки не отшибло по дороге.

Похоже, настоящая Савина не пользовалась в этой семье особой любовью.

— Судя по происходящему, мне есть что вспоминать.

— Было бы неплохо начать пять лет назад.

Лисса резко повернулась к нему.

— Дядя Гарет.

Всего два слова, но он остановился.

— Не здесь, — сказала девочка.

Солвей помолчал, затем коротко кивнул.

Мне стало окончательно ясно: я оказалась не просто в чужом теле, а в центре семейной истории, где каждая сторона давно знала свою версию событий.

Кроме меня.

— Что находится в документе? — спросила я.

Гарет перевел взгляд на бумаги.

— То, ради чего я ехал сюда всю ночь.

— Можно конкретнее?

Он взял верхний лист, но не протянул мне.

— Дополнение к завещанию моей невестки и моего брата.

Лисса подошла ближе.

— Мама оставила еще одно завещание?

— Не новое. Дополнение к прежнему.

— Почему его раньше не нашли?

— Потому что оно хранилось не здесь.

— Где?

— У поверенного твоей матери.

Лисса сжала губы.

— И он вспомнил только сейчас?

— Он умер две недели назад. Его помощник разбирал архив.

Не слишком надежная история, но, судя по выражению Гарета, ему самому она не нравилась.

— И что в дополнении? — спросила я.

Он снова посмотрел на меня.

— В нем есть ваше имя.

Это я уже поняла.

— В качестве кого?

Ответить он не успел.

Распорядитель, стоявший над документом, медленно опустился на стул.

— Это осложняет дело.

— Вот теперь вы совершенно правы, — сказал Гарет.

— Здесь указаны два опекуна.

Лисса замерла рядом со мной.

Распорядитель провел пальцем по строке.

— Господин Гарет Солвей, родной брат покойного Эмриса Солвея, и госпожа Савина Лорк, родная сестра покойной Мирены Солвей.

Я посмотрела на Лиссу.

Она была моей племянницей.

То есть племянницей женщины, чье имя теперь принадлежало мне.

Пять лет настоящая Савина не общалась с ее матерью.

И приехала лишь после смерти.

Неудивительно, что девочка встретила меня так.

— Почему два? — спросила Лисса.

Распорядитель явно не хотел отвечать ребенку, но Гарет сделал это сам:

— Твои родители хотели, чтобы решения о тебе принимались с обеих сторон семьи.

— Тогда почему ты ничего об этом не знал?

Вопрос попал точно в цель.

Гарет взглянул на документ.

— Потому что брат мне не сказал.

— А тетя Савина знала?

Теперь все посмотрели на меня.

Если бы я ответила честно, что еще десять минут назад не знала даже о существовании Лиссы, положение вряд ли улучшилось бы.

— Я не видела этого документа.

Это была правда.

И пока единственная безопасная.

— Но вы знали о завещании? — спросил распорядитель.

— О том, которое было открыто раньше?

— Да.

— Я только что приехала.

Гарет тихо усмехнулся, но веселья в этом звуке не было.

— Это мы заметили.

Мне захотелось ответить, однако Лисса снова отвернулась, и я остановилась. Судя по всему, она уже достаточно слушала разговоров взрослых о том, кто приехал слишком поздно.

Помощник распорядителя вернулся быстрее, чем я ожидала. Видимо, до города было недалеко или канцелярия находилась в ближайшем поселении.

Он сошел с лошади прямо у стола.

— Печать подтверждена. Запись внесена сегодня в девять пятнадцать.

Распорядитель выдохнул.

— Тогда опись имущества временно приостанавливается.

Люди у дверей начали снимать красные полосы.

По двору прошел недовольный шум. Потенциальные покупатели, кажется, успели решить, что приехали не зря.

Один из них громко спросил:

— А торги?

— Сегодня торгов не будет, — ответил распорядитель.

Кто-то выругался вполголоса.

Я же впервые за последние четверть часа почувствовала, что нас не собираются немедленно выставить за ворота.

Нас.

Странное слово.

Еще полчаса назад я понятия не имела, где нахожусь.

— Временно? — уточнил Гарет.

— Именно. Дополнение к завещанию меняет порядок управления имуществом несовершеннолетней наследницы, но не отменяет требований кредиторов. Суд должен установить, могут ли новые опекуны распоряжаться залоговым имуществом и способны ли они обеспечить интересы наследницы.

— Сколько времени?

Распорядитель полистал приложенные бумаги.

— Предварительное слушание через сорок пять дней.

— А до него?

— Никакого отчуждения имущества без согласия обоих опекунов и разрешения суда. Кредитор сохраняет право предъявлять требования, однако окончательные торги приостанавливаются.

Лисса наконец спросила то, что волновало ее больше всего:

— Нас не выгонят?

Распорядитель отвел взгляд.

Гарет ответил первым:

— Сегодня нет.

Девочка нахмурилась.

— Я спросила не про сегодня.

Гарет подошел к ней.

— Я разберусь.

— Ты всегда так говоришь, когда не знаешь ответа.

Он чуть поджал губы.

Лисса была права, и он это понимал.

Я присела перед ней, прежде чем успела подумать, имею ли право вмешиваться.

— На сорок пять дней никто не сможет продать дом без решения суда.

Она посмотрела на меня сверху вниз.

— А потом?

— Потом все будет зависеть от того, что мы успеем выяснить за эти сорок пять дней.

— Ты останешься?

Вопрос оказался сложнее всех предыдущих.

Я не знала, как сюда попала.

Не знала, можно ли вернуться.

Не знала, что за жизнь вела Савина Лорк.

Но девятилетней девочке, которая только что слушала оценку собственного дома перед торгами, мои сложности ничего не давали.

— Пока все не закончится, я не уеду.

Она долго смотрела мне в лицо.

— Мама тоже думала, что ты приедешь.

И ушла к дому.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы подняться.

— Не давайте обещаний, которые не сможете выполнить, — сказал Гарет.

Я повернулась к нему.

— Я не давала.

— Вы только что пообещали остаться.

— Именно это я и собираюсь сделать.

— Насколько я помню, долгие обязательства никогда не были вашей сильной стороной.

— Насколько я понимаю, вы знаете прежнюю Савину гораздо лучше, чем я.

Он посмотрел на меня так внимательно, что я мысленно выругала себя.

— Прежнюю?

Ошибка.

Совсем небольшая, но достаточно странная.

— Ту, которую вы видели пять лет назад, — спокойно продолжила я. — Люди меняются.

— Некоторые.

— Удобно заранее решить, что я к ним не отношусь.

— Вы хотите поговорить о справедливости?

— Нет. Я хочу поговорить о сорока пяти днях, долге почти в тридцать две тысячи и усадьбе, которую уже сегодня собирались продать. У нас достаточно настоящих проблем, чтобы не тратить время на старые обиды.

Он не ответил сразу.

Судя по выражению лица, настоящий разговор о старых обидах еще ждал меня впереди.

— В этом мы согласны, — наконец сказал Гарет. — Но есть еще Лисса.

— Я заметила.

— После разбирательства я заберу ее в столицу.

Я посмотрела на него.

Вот и первая настоящая проблема.

— Вы уже решили?

— Да.

— Без нее?

— Ей девять лет.

— В девять лет можно не решать финансовые вопросы. Но можно иметь мнение о том, где ты хочешь жить.

— Семь Окон находятся в долгах. Производство почти остановлено. Здесь осталось меньше половины прежних работников. Я не собираюсь оставлять ребенка в месте, которое может перейти кредитору через полтора месяца.

— А если не перейдет?

— Тогда обсудим.

— То есть пока вы решили за нее, но называете это временным решением.

Гарет сделал шаг ближе, и только тогда я в полной мере заметила, насколько он выше меня. Это не произвело того эффекта, на который, возможно, рассчитывали мужчины с подобной привычкой нависать над собеседником. В прошлой жизни мне приходилось спорить с владельцами компаний, которые считали, что громкий голос отменяет арифметику.

— Госпожа Лорк, — произнес он, — я приехал не затем, чтобы спорить с вами о воспитании ребенка, которого вы почти не знаете.

— Тогда не начинайте этот спор.

В уголке его рта что-то дрогнуло.

Не улыбка.

Скорее удивление.

— Вы действительно изменились.

— Надеюсь, это комплимент.

— Пока наблюдение.

— Тогда наблюдайте внимательнее.

К нам подошел распорядитель.

— Господа опекуны, мне необходимы ваши подписи под актом приостановки описи.

Слово «опекуны» прозвучало настолько нелепо, что я почти оглянулась, ожидая увидеть кого-то другого.

Нам подали документ.

Гарет прочел его полностью.

Я сделала то же самое.

Распорядитель уже начал нетерпеливо переминаться с ноги на ногу.

Внизу, после основного текста, стояло примечание: «Приостановка не ограничивает права кредитора на обращение в суд по дополнительным обязательствам, не включенным в настоящее производство».

— Что это означает? — спросила я.

— Обычная формулировка.

— Обычная формулировка обычно что-то означает.

Гарет снова взглянул на меня.

Распорядитель ответил:

— Если у господина Керра существуют другие требования к владельцам Семи Окон, он имеет право заявить их отдельно.

— Существуют?

— Мне о них неизвестно.

— А ему? — я кивнула на Гарета.

— Мне тоже.

Я подписала акт.

Почерк вышел уверенным.

И совершенно незнакомым.

Несколько плавных букв сложились в имя: Савина Лорк.

Я смотрела на подпись секунду дольше, чем следовало.

Рука знала то, чего не знала я.

Это было неприятное открытие.

Не первое за сегодня и, подозревала я, далеко не последнее.

Когда бумаги были оформлены, люди начали расходиться. Покупатели покидали двор без особой спешки, продолжая разглядывать стены, сад и хозяйственные постройки. Один мужчина задержался у мастерской, стоявшей за главным домом. Он даже приложил ладонь к кирпичной стене, словно уже примерял ее к будущей собственности.

Я запомнила его лицо.

— Кто это? — спросила я у распорядителя.

— Господин Виллен Дорс. Торговец оконным стеклом.

— Часто бывает здесь?

— Не могу знать.

— А сегодня приехал купить мастерскую?

— Насколько понимаю, да.

— Откуда он знал о торгах?

Распорядитель посмотрел на меня с удивлением.

— Объявление опубликовано десять дней назад.

Я медленно повернулась к Гарету.

— Десять дней?

— Да.

— Но вы сказали, что официальное уведомление управляющему вручили три дня назад.

Распорядитель нахмурился.

— Предварительное объявление могло быть опубликовано раньше.

— До уведомления владельцев?

— Это не запрещено при наличии решения палаты.

— Понятно.

Мне ничего не было понятно.

Но одно я знала точно: если где-то фигурируют деньги, сроки и человек, который заранее уверен, что получит имущество, нужно начинать не с эмоций.

Нужно начинать с документов.

Женщину со ступеней звали госпожа Тарна Вейл.

Она представилась управляющей домом и сделала это таким тоном, словно готова была одновременно поклониться мне и выставить за ворота.

Победило воспитание.

— Ваша комната осталась подготовленной с самого утра, госпожа Лорк.

— Вы знали, что я приеду?

— Вы прислали письмо.

Еще одна новость.

— Когда?

— Четыре дня назад.

— Можно его увидеть?

Она впервые посмотрела на меня не с холодностью, а с недоумением.

— Ваше собственное письмо?

— Да.

— Разумеется.

Гарет шел рядом и ничего не говорил.

Лисса убежала вперед.

Мы вошли в дом через центральные двери. Внутри было прохладнее, чем во дворе. Просторный холл не выглядел заброшенным, но по нему сразу было видно, что здесь начали экономить. На стенах остались светлые прямоугольники от снятых картин. Один из трех светильников под потолком не горел. У лестницы стояла консоль, на которой явно недавно находилось что-то тяжелое: на темном дереве сохранился след.

— Что продали? — спросила я.

Тарна задержалась.

— Простите?

— Здесь что-то стояло.

Я показала на светлый участок.

— Серебряная ваза. Ее продали весной.

— Еще что?

— Госпожа Лорк...

— Мне нужно понять положение дел.

Гарет вмешался:

— Ответьте ей.

Тарна посмотрела на него с благодарностью, которой я не заслужила.

— Несколько картин из гостиной. Два старых ковра. Часть столового серебра. Пианино из малой гостиной.

— Мамино пианино, — сказала Лисса с верхней площадки.

Никто не заметил, что она остановилась и слушает.

Тарна побледнела.

— Лисса...

— Я знаю, что его продали.

Девочка повернулась и ушла по коридору.

Я посмотрела на Гарета.

— Вы знали?

— Нет.

В первый раз за весь день он выглядел не собранным и не раздраженным, а по-настоящему виноватым.

— Когда вы были здесь в последний раз?

— Три месяца назад.

— И как часто приезжали до этого?

— Когда мог.

Ответ человека, который сам понимает, насколько этого оказалось мало.

Я не стала давить.

Мне хватало собственных провалов Савины Лорк, пусть даже они принадлежали не мне.

Тарна провела нас в кабинет на первом этаже.

Это помещение хотя бы выглядело так, словно его не собирались продавать по частям.

Большой стол, два шкафа с папками, карта округа на стене и длинная полка с книгами учета.

Я почувствовала почти нелепое облегчение.

С цифрами было проще, чем с людьми, которые помнили чужую жизнь лучше меня.

— Все хозяйственные документы здесь? — спросила я.

— Основные.

— Где управляющий имением?

Тарна помолчала.

— Господин Фарен уехал вчера.

— Куда?

— Не сказал.

— Он уехал за день до описи имущества?

— Именно.

Гарет выругался вполголоса.

Я подошла к столу.

— Ключи?

Тарна достала связку.

— От кабинета, шкафов и сейфа.

— Сейфа?

Она показала на небольшой металлический ящик в нише за столом.

— Там хранятся договоры, печати и текущая наличность.

— Сколько?

— Вчера оставалось около шестисот корон.

— При долге в тридцать одну тысячу?

— Да.

— А сегодня?

— Я не проверяла после отъезда господина Фарена.

Мы с Гаретом одновременно посмотрели на сейф.

Тарна подошла первой.

Ключ повернулся с трудом.

Внутри лежали несколько папок, коробка с печатью и два мешочка с монетами.

Тарна высыпала деньги на стол и быстро пересчитала.

— Пятьсот восемьдесят три короны.

— Значит, управляющий не забрал кассу, — сказал Гарет.

— Или забрал только часть, — ответила я.

Тарна резко подняла голову.

— Господин Фарен служил семье двенадцать лет.

— Тогда у него должен быть хороший ответ, почему он исчез накануне описи.

Я взяла первую книгу учета.

Цифры были записаны непривычными знаками, но я понимала их без труда. Еще одна загадка тела, в котором оказалась.

Приходы.

Расходы.

Заработок мастерской.

Расходы на сырье.

Доставка.

Ремонт.

Проценты по долгу.

Я перелистнула несколько страниц.

— Кто ведет счета?

— Господин Фарен, — ответила Тарна. — Иногда ему помогала госпожа Мирена.

Мать Лиссы.

— А мастерская?

— У мастеров свой журнал производства.

— Где?

— В здании мастерской.

Я протянула руку к следующей книге.

Гарет сел напротив.

— Вы действительно собираетесь разбирать счета прямо сейчас?

— А вы предлагаете подождать?

— Я предлагаю сначала понять, что именно постановил суд.

— Мы уже знаем главное. Сорок пять дней.

— До предварительного слушания.

— Тем более. Если кредитор может заявить дополнительные требования, мне хочется узнать о них раньше, чем он снова войдет в этот двор с распорядителем.

Гарет положил ладонь на стол.

— Савина, есть вещи важнее счетов.

— Например?

— Лисса.

Я закрыла книгу.

— Согласна.

Он явно ожидал спора.

— Тогда начнем с нее.

— Начнем. Но сначала скажите, почему она считает, что я бросила ее мать.

Тарна отвернулась к окну.

Гарет несколько секунд смотрел на меня.

— Вы серьезно?

— Абсолютно.

— Вы поссорились с Миреной пять лет назад.

— Из-за чего?

— Это лучше спросить у вас.

— Я спрашиваю у вас.

— И что вы хотите услышать?

— Факты.

Он встал.

— Факт в том, что после ссоры вы уехали. Мирена писала вам. Сначала часто, потом реже. Вы не отвечали. Когда Эмрис сообщил вам о рождении Лиссы, вы прислали подарок и даже не приехали. Потом перестали делать и это.

Тарна тихо сказала:

— Последние два года госпожа Мирена вообще не знала, где вы живете.

Мне стало трудно продолжать этот разговор спокойно, хотя вина принадлежала женщине, которую я никогда не встречала.

Лисса не придумала свою обиду.

Ей девять.

Пять лет для нее больше половины жизни.

— Почему я приехала сейчас?

— Вот это я тоже хотел бы узнать, — ответил Гарет.

— Я написала четыре дня назад.

— Да.

— Что было в письме?

Тарна направилась к небольшому секретеру у стены.

— Оно здесь.

Она достала сложенный лист и подала мне.

Почерк совпадал с подписью, которую я поставила под актом.

Я прочла.

«Тарна.

Я приеду утром тридцатого. Ничего не продавайте до моего приезда, если еще можно остановить. Особенно документы Мирены и бумаги мастерской. Мне нужно проверить один договор.

С. Л.»

Всего несколько строк.

Никаких объяснений.

Но настоящая Савина ехала сюда не случайно.

— Какой договор? — спросил Гарет.

— Не знаю.

— В письме написано «один договор».

— Я умею читать.

— Тогда объясните.

— Если бы могла, уже объяснила бы.

Он отступил от стола.

— Удобно.

— Я не прошу вас верить.

— Это тоже удобно.

— Гарет, если вы хотите обвинить меня в чем-то конкретном, обвиняйте. Пока я вижу женщину, которая пять лет не общалась с сестрой, потом внезапно узнала о продаже имения и приехала проверить договор. Возможно, у нее были причины. Возможно, отвратительные. Я этого не знаю. Но если вы собираетесь мешать мне разбираться только потому, что вам проще считать меня виноватой заранее, то следующие сорок пять дней станут очень длинными.

Он приблизился к столу.

— Для меня они уже длинные.

— Прекрасно. Значит, у нас есть еще одна общая тема.

Тарна неожиданно кашлянула, скрывая что-то похожее на улыбку.

Гарет заметил.

— Я поговорю с Лиссой, — сказал он.

— Я тоже.

— Не сейчас.

Я хотела возразить, но остановилась.

Он был прав.

Девочка сегодня увидела, как ее дом оценивали перед продажей. Потом узнала, что тетя, на которую она пять лет злилась, внезапно стала ее опекуном.

Не самый подходящий момент для моей попытки срочно исправить чужую семейную историю.

— Хорошо.

Гарет уже направился к двери, когда я спросила:

— Почему Солвеи считаются драконами?

Он остановился.

Тарна застыла с папкой в руках.

Я поняла, что снова ошиблась.

Гарет медленно повернулся.

— Что?

Пришлось выкручиваться.

— Я спрашиваю не о существовании драконов. Я спрашиваю о вашей семье. Лисса носит фамилию Солвей. Это что-то меняет в вопросе наследования?

Несколько секунд он продолжал изучать меня.

— Да. Наследственное имущество драконьего рода нельзя окончательно отчуждать без проверки прав несовершеннолетнего носителя крови.

Вот почему торги удалось остановить.

— Значит, положение Лиссы дает нам дополнительную защиту.

— Ограниченную. Семейный долг она не отменяет.

— Но дает время.

— Сорок пять дней.

— Мне уже нравится это число.

— Через сорок пять дней оно может вам разонравиться.

— Тогда постараемся использовать его до этого.

Он ушел.

Тарна закрыла дверь за ним и повернулась ко мне.

— Вы действительно не помните?

Я не ожидала прямого вопроса.

— Что именно?

— Многое.

Она смотрела не с подозрением.

С тревогой.

Я села.

— После дороги у меня... некоторые вещи будто перепутались. Имена я вспоминаю, когда слышу. События хуже. Мне нужно время.

Это было опасно близко к правде.

— Вы ударились?

— Не знаю.

— Госпожа Лорк...

— Тарна, пожалуйста. Сейчас мне важнее понять другое. Настоящую ситуацию с деньгами.

Она долго молчала.

Потом кивнула.

— Тогда идемте в мастерскую. Господин Фарен мог писать что угодно. Арвен Мосс скажет, сколько мы действительно производили.

— Кто это?

— Старший мастер.

— Он здесь?

— Пока да.

Последние два слова мне не понравились.

Стекольная мастерская находилась за хозяйственным двором, ближе к низкому каменному склону. Это было длинное кирпичное здание с высокими окнами и четырьмя широкими трубами.

Дымила только одна.

Внутри было жарко даже у входа. Несколько человек работали у длинных столов. На деревянных стеллажах стояли листы стекла разного размера: прозрачные, молочно-белые, бледно-зеленые.

Я остановилась у порога.

— Четыре печи?

— Было четыре рабочих, — ответила Тарна. — Сейчас одна.

К нам подошел мужчина лет пятидесяти с седыми прядями в темных волосах.

— Госпожа Лорк.

По его лицу нельзя было понять, рад он мне или нет.

— Арвен Мосс?

— Да.

— Мне сказали, вы ведете производственный журнал.

— Веду.

— Можно посмотреть?

Он вытер руки о плотный передник.

— После обеда его обычно забирал Фарен.

— Сегодня он уехал.

Арвен нахмурился.

— Куда?

— Если узнаю, обязательно сообщу.

Он посмотрел на Тарну.

Та кивнула.

Арвен провел нас к небольшому столу у стены и достал из ящика толстую книгу.

— Здесь все партии за последние два года.

Я открыла последние страницы.

Названия заказчиков мне ничего не говорили.

Количество — уже говорило.

— Вы выпускали столько каждый месяц?

— Когда работали две печи, больше.

— А сейчас одна?

— Четвертый месяц.

— Почему остановили вторую?

— Не было сырья.

— Какого?

Он перечислил несколько компонентов. Большинство названий я услышала впервые, но одно оказалось простым.

— Песка?

Арвен усмехнулся.

— Без песка стекло делать сложно.

— Не спорю. Его не было совсем?

— Хорошего не было. Фарен закупил привозной, а он грязный. На простое оконное годится. На светлое и огнестойкое нет.

— Где покупали раньше?

Арвен посмотрел на Тарну.

— В нашем карьере.

Я подняла голову.

— У усадьбы есть свой карьер?

— Был.

— Что значит «был»?

— Фарен сказал, права заложены Керру вместе с остальным имуществом, и брать оттуда сырье нельзя без его разрешения.

Вот это уже становилось интереснее.

— Когда перестали брать песок из собственного карьера?

— Прошлой осенью.

— А покупать привозной начали тогда же?

— Да.

— Он дороже?

— Почти втрое.

Я снова посмотрела в журнал.

В прошлой жизни мне не раз приходилось видеть предприятия, которые выглядели убыточными только потому, что кто-то очень старательно делал их убыточными.

— Что такое огнестойкое стекло?

Арвен немного оживился.

— Наше главное изделие. Для кузниц, мастерских, башенных фонарей, части городских печей. Оно выдерживает жар лучше обычного. Состав сложнее, а последнюю обработку делает дракон.

— Любой?

— Не любой. Нужен ровный жар. Господин Эмрис умел.

Отец Лиссы.

— После его смерти?

Арвен отвел взгляд.

— Мы почти не выпускали огнестойкое.

— Значит, потеряли самое дорогое изделие.

— Да.

— Другого дракона не нашли?

— Их не нанимают по объявлению на воротах, госпожа Лорк.

— Справедливо.

И тут я вспомнила Гарета.

Дракон.

Высокий пост в строительной палате.

Если кто и понимал ценность огнестойкого стекла, то человек, связанный со строительством.

Но просить его помогать мастерской в первый же день было рано. Особенно после того, как он сообщил о намерении забрать Лиссу в столицу.

Я перелистнула страницу.

— Арвен, сколько у нас готового товара?

— Простого стекла на две сотни корон. Может, чуть больше.

— А заказов?

— Было три. Два отменили, когда узнали об описи.

— Третий?
— Небольшой. Для мельницы в Ланвеге.
— Оплачен?
— Задаток.
— Когда срок?
— Через шесть дней.
Я закрыла журнал.
— Его выполняем.
Арвен впервые посмотрел на меня почти с уважением.
— Выполним.
— Что нужно, чтобы запустить вторую печь?
Он начал перечислять.
Я остановила после первых трех пунктов.
— Сколько денег?
— Если ничего серьезного не сломано, около ста двадцати корон. Но смысла нет. Сырья для двух печей у нас все равно не хватит.
— Хорошо. Пока не запускаем.
Тарна удивилась.
— Я думала, вы захотите восстановить производство.
— Хочу. Но сначала нужно понять, что мы можем продать и из чего это делать. Включать печь только потому, что она красиво дымит, дорогое удовольствие.
Арвен усмехнулся.
— Вот тут спорить не стану.
Я снова открыла журнал и поставила рядом книгу хозяйственных расходов, которую принесла из кабинета.
На одной странице стояла закупка сырья за прошлый месяц.
Я нашла в журнале производство за тот же период.
Сравнила.
Потом еще раз.
— Арвен, сколько песка ушло на эти партии?
Он назвал примерный объем.
— Уверены?
— Плюс-минус немного.
— А здесь оплачено вдвое больше.
Тарна подошла ближе.
— Может, часть осталась на складе?
— Покажите склад.
Склад оказался почти пуст.
Несколько мешков стояли у стены.
Арвен открыл один, зачерпнул горсть сероватого песка и показал мне.
— Вот привозной.
— И это все?
— Есть еще шесть мешков.
Я вернулась к книге.
Цифры не сходились.
Сильно.
Но одного месяца мало.
— Мне нужны счета за полгода.
— Они в кабинете, — сказала Тарна.

— И все накладные на сырье.
— Хорошо.
Арвен покачал головой.
— Если вы думаете, что Фарен воровал...
— Я пока думаю только, что у нас есть разница между тем, за что заплатили, и тем, что использовали. Обвинять кого-то буду, когда пойму, куда она делась.
— Он мог хранить часть в другом месте.
— Тогда найдем это место.
За дверью мастерской послышались шаги.
Вошел Гарет.
Лиссы рядом не было.
— Вы быстро освоились.
— Я пока научилась отличать одну работающую печь от трех неработающих.
— Уже успех.
Он говорил сухо, но прежней колкости стало меньше.
Я показала на раскрытые книги.
— Сколько стоит привозной песок в этом округе?
— Зависит от качества.
— Тот, что здесь.
Арвен ответил первым:
— Две короны за меру с доставкой.
Я ткнула пальцем в строку.
— А мы платили три с половиной.
Гарет подошел.
— За какую меру?
Арвен объяснил.
Гарет прочел запись.
— Здесь указан очищенный белый.
— Нам привозили обычный, — сказал Арвен.
— Кто принимал?
— Фарен.
— Всегда?
— Последние месяцы да.
Я посмотрела на Гарета.
— Ваше мнение?
— Мое мнение, что управляющего надо найти.
— В этом мы снова согласны.
Он перевел страницу.
— Но это не спасет усадьбу за сорок пять дней.
— Зато поможет понять, почему она оказалась в таком состоянии.
— Предположим, Фарен завышал закупки. Даже если мы докажем это, деньги он мог давно потратить.
— Я не рассчитываю, что он вернется с мешком корон и извинениями.
— Тогда что вы рассчитываете сделать?
— Узнать реальный долг. Реальные активы. Реальные расходы. И только потом решать, можно ли спасти это место.
Гарет положил ладонь на край стола.
— А если нельзя?
Я посмотрела через открытые двери мастерской.

За двором виднелся главный дом. На втором этаже действительно было семь окон.
У одного из них стояла Лисса.

Она смотрела сюда.

— Тогда придется объяснить это девочке фактами, а не потому, что взрослым проще увезти ее подальше.

Гарет проследил за моим взглядом.

— Вы считаете меня чудовищем?

— Я вас почти не знаю.

— Раньше это вам не мешало.

— Раньше я, очевидно, делала много вещей, которых сегодня не понимаю.

Он снова посмотрел на меня тем особенным внимательным взглядом.

На этот раз мне стало ясно: одной фразой про изменившихся людей я долго не продержусь.

Нужно было либо вернуть воспоминания настоящей Савины, либо научиться жить без них.

— Лисса согласилась пообедать, — сказал Гарет. — Но только у себя.

— Вы с ней поговорили?

— Да.

— О чем?

— О вас.

— И?

— Она считает, что вы снова уедете.

— Это я уже поняла.

— И считает, что вы приехали из-за дома.

— Почему?

— Потому что услышала утром разговор Фарена с каким-то человеком.

Я выпрямилась.

— Какой разговор?

— Вчера вечером. Она не видела собеседника, только слышала. Фарен сказал, что «Лорк все равно явится, когда поймет, сколько здесь осталось».

— Почему она не сказала раньше?

— Потому что девять лет, Савина. Дети не составляют протоколы после каждого услышанного разговора.

Справедливо.

— Она помнит еще что-нибудь?

— Что человек спросил про документы.

— Какие?

— Не знает.

Я вспомнила письмо настоящей Савины.

«Особенно документы Мирены и бумаги мастерской. Мне нужно проверить один договор».

— Гарет.

— Что?

— В письме я просила ничего не продавать до моего приезда и отдельно упомянула бумаги мастерской.

— Я помню.

— Если Фарен знал, что я приеду, и накануне говорил с кем-то о документах, его отъезд может быть связан не с описью.

— А с вами.

— Или с тем договором, который я хотела проверить.

Мы оба посмотрели на Тарну.

Она сразу поняла.

— В кабинете нет отдельной папки с таким названием.

— А в сейфе?

— Там были три договора.

Мы вернулись в дом почти бегом.

В сейфе лежали договоры на землю, основной кредит и поставку стекла для городской строительной палаты.

Последний Гарет забрал первым.

— Это старый контракт.

— Вашей палаты?

— Да. Два года назад Семь Окон поставляли нам огнестойкое стекло для сторожевых башен.

— Почему прекратили?

— Контракт выполнили.

Я взяла кредитный договор.

Освальд Керр.

Сумма двадцать две тысячи корон.

Срок — три года.

Обеспечение — усадьба, производственные строения и доля будущей прибыли мастерской.

— Долг был двадцать две тысячи.

— Был, — подтвердил Гарет.

— Сейчас почти тридцать две.

— Проценты, продления, штрафы.

— За два года десять тысяч сверху?

— Похоже на то.

— Не люблю слово «похоже» рядом с деньгами.

Он взял документ у меня.

— Я тоже.

Тарна принесла еще одну коробку.

— Здесь личные бумаги госпожи Мирены. Их начали собирать для описи, но не успели вынести.

В коробке лежали письма, счета, несколько тетрадей и документы на имя Лиссы.

Я не собиралась рыться в личной переписке умершей женщины без необходимости, но среди бумаг мог находиться тот самый договор.

Мы разбирали их почти час.

Ничего.

Зато выяснилось другое.

Мирена Солвей тщательно сохраняла все бумаги, связанные с мастерской. Даже старые счета за ремонт двухлетней давности лежали по датам.

Странно было бы потерять только один важный договор.

— Может, его забрала Савина, — сказал Гарет.

— То есть я.

— Да.

— Тогда зачем я ехала сюда его проверять?

Он нахмурился.

— Верно.

Тарна перебирала нижнюю стопку.

— Здесь еще опись документов, которую госпожа Мирена составляла сама.

Она развернула лист.

Список был длинным.

Право владения Семейю Окнами.

Документы на землю.

Карьер.

Я задержала палец.

— Карьер здесь указан отдельно.

— Да, — сказал Гарет.

— Но распорядитель утверждает, что весь комплекс заложен целиком.

— В кредитном договоре он тоже включен.

— Тогда почему Мирена хранила право на карьер отдельной бумагой?

Гарет посмотрел на строку ниже.

— Потому что он мог иметь отдельный статус.

— Где документ?

Тарна пролистала коробку.

— Его нет.

В комнате стало очень тихо.

Не литературно тихо и не угрожающе. Просто трое людей одновременно поняли, что из аккуратного архива исчезла именно та бумага, которая могла иметь значение.

— Фарен, — сказал Гарет.

— Возможно.

— Вы все еще не хотите обвинять его?

— Хочу. Но сначала хочу найти.

Я взяла опись Мирены.

Под документом на карьер стояла еще одна строка.

«Соглашение о преимущественном выкупе мастерской».

— Вот.

Гарет наклонился.

— Что?

Я показала.

— Договор, о котором я могла писать.

— Почему?

— Потому что его тоже нет.

Тарна побледнела.

— Я никогда не слышала о таком соглашении.

— С кем оно заключено?

— Здесь не указано, — сказал Гарет.

— Значит, надо искать копию.

— У второй стороны.

— Если узнаем, кто она.

В дверь постучали.

Тарна открыла.

На пороге стоял тот самый распорядитель, который утром проводил опись.

На этот раз без помощников.

В руках он держал тонкую папку.

— Прощу прощения за поздний визит. Возникло обстоятельство, которое я обязан сообщить обоим опекунам немедленно.

Мы с Гаретом переглянулись.

— Что произошло? — спросил он.

Распорядитель вошел.

— После приостановки описи господин Керр направил в палату дополнительный пакет документов.

Я вспомнила примечание в акте.

Дополнительные требования.

— Какие именно?

— Соглашение, которое не было приложено к первоначальному делу.

Гарет протянул руку.

— Давайте.

Распорядитель не отдал папку.

— Сначала я должен предупредить: если документ признают действительным, положение наследницы существенно осложнится.

— Что за документ? — спросила я.

Он посмотрел прямо на меня.

— Соглашение о передаче стекольной мастерской Освальду Керру в случае просрочки по основному кредиту.

Я поднялась из-за стола.

— Когда оно подписано?

— Одиннадцать месяцев назад.

— Кем?

Распорядитель открыл папку и положил документ перед нами.

Подпись покойной Мирены Солвей стояла внизу слева.

Рядом находилась подпись ее мужа.

Еще ниже — Освальда Керра.

Но была и четвертая.

Я уже видела такой почерк сегодня.

На акте приостановки.

На коротком письме Тарне.

И теперь здесь.

Савина Лорк.

Глава 2. Семь Окон

Я не стала утверждать, что подпись поддельная.

После сегодняшнего акта это прозвучало бы нелепо. Почерк совпадал слишком хорошо: тот же наклон, тот же длинный нижний штрих в букве «р», та же привычка почти соединять имя с фамилией. Рука, которой я несколько часов назад подписала бумаги распорядителя, могла оставить эту подпись одиннадцать месяцев назад.

Только меня тогда здесь не было.

— Что именно означает моя подпись в этом соглашении? — спросила я.

Распорядитель, видимо, ожидал другой реакции. Он уже приготовился либо оправдываться, либо выслушивать обвинения, поэтому мой вопрос заставил его снова посмотреть на документ.

— Госпожа Лорк выступила подтверждающей стороной.

— Это не ответ.

— Савина, — произнес Гарет, и по одному его тону я поняла, что его терпение заканчивается.

— Я прекрасно вижу свое имя. Мне нужно понять, что оно дает Керру. Я стала поручителем? Владельцем доли? Свидетелем? Согласилась передать имущество, которое мне не принадлежало?

Распорядитель провел пальцем по нижнему абзацу.

— На момент подписания вы представляли интересы госпожи Мирены Солвей по хозяйственным счетам мастерской. Здесь указано, что вы ознакомлены с размером задолженности, подтверждаете просрочку обязательств и не возражаете против перехода мастерской кредиту при повторной задержке выплат.

Я перечитала эти строки.

Формулировка была составлена осторожно. Она не делала Савину владелицей, но превращала ее подпись в удобное подтверждение того, что семья знала о положении дел и согласилась с последствиями.

— Почему человек, который пять лет не разговаривал с сестрой, представлял ее интересы по счетам? — спросила я.

Тарна отвела глаза.

Гарет заметил это одновременно со мной.

— Вы что-то знаете? — спросил он.

— Я знаю только то, что госпожа Савина приезжала сюда прошлой осенью.

— На сколько?

— Почти на месяц.

Это был первый факт за весь день, который никто до сих пор не упоминал.

Я повернулась к Гарету.

— Вы знали?

— Нет.

— Удивительно.

— Я не обязан знать о каждом вашем приезде.

— Судя по тому, что вы рассказывали утром, вы были уверены, что я не появлялась здесь пять лет.

— Мирена не говорила мне об этом.

— Значит, либо она решила скрыть мой приезд, либо вы с ней общались реже, чем считаете.

Он не ответил. Я не стала продолжать. Какими бы ни были его отношения с погибшей невесткой, сейчас это не помогало понять документ.

— Тарна, зачем Савина приезжала?

Управляющая медленно опустилась на край кресла.

— Госпожа Мирена сама ее позвала. Тогда уже начались сложности с расчетами. В мастерской было много заказов, но денег почему-то постоянно не хватало. Господин Фарен говорил, что выросли цены на сырье и перевозки. Госпожа Мирена сначала ему верила, потом попросила сестру проверить книги.

— Почему именно сестру?

— Потому что госпожа Савина раньше этим занималась.

Я почувствовала на себе взгляд Гарета.

— Когда раньше?

— До ссоры. Еще до замужества госпожи Мирены вы некоторое время вели счета небольшой мастерской их отца. Потом помогали и здесь, когда Семь Окон только расширяли производство.

Это объясняло письмо.

Объясняло, почему настоящая Савина узнала о возможной проблеме и почему просила сохранить бумаги.

Но создавало новую.

— Если я приехала проверять счета, почему подписала соглашение Керра?

Тарна покачала головой.

— Я не присутствовала при подписании.

Распорядитель закрыл папку.

— Мне придется оставить вам заверенную копию. Оригинал поступил в палату и до решения суда останется там.

— Когда Керр намерен воспользоваться соглашением?

— Уже воспользовался. Его поверенный требует признать мастерскую отдельным обеспечением и передать ее кредитору до основного слушания.

— Может?

— Решит суд.

— Когда?

— Через четыре дня назначено предварительное рассмотрение именно этого требования. Сорок пять дней только что превратились в четыре.

Я посмотрела на Гарета. Он уже не казался человеком, который собирается увезти Лиссу через полтора месяца. Теперь он выглядел так, будто мысленно перестраивал все свои планы на ближайшие сутки.

— Если Керр получит мастерскую, что останется у усадьбы? — спросила я.

Распорядитель пожал плечами.

— Главный дом, часть хозяйственных земель, сад, конюшня. Формально права наследницы на них сохраняются до большого слушания.

— А доход?

Ответила Тарна:

— Почти никакого.

Это было хуже, чем продажа нескольких комнат или части земли. Если отнять то, что могло приносить деньги, оставшееся имущество станет только расходом. Дом будет стоять, люди будут получать жалование, хозяйство потребует содержания, а платить долг станет нечем.

Через сорок пять дней суд увидит красивую усадьбу без нормального источника дохода и задолженность, которая продолжает расти.

Керру даже не придется торопиться.

— Почему соглашение появилось только сегодня? — спросила я. — Если оно подписано одиннадцать месяцев назад, почему его не приложили к первоначальному требованию?

Распорядитель развел руками.

— Это вопрос к господину Керру.

— Или к тому, кто сообщил ему, что именно мы нашли в бумагах, — сказал Гарет.

Я посмотрела на опись Мирены, которая лежала рядом.

Мы обнаружили упоминание соглашения меньше часа назад.

Керр представил копию сегодня после приостановки торгов. Он не мог знать о нашем разговоре, если только документ не готовили заранее. Скорее всего, совпадение было только по времени: его представители держали соглашение в запасе на случай, если основные торги сорвутся.

Это было неприятно, но логично.

— Не будем придумывать шпиона в каждом шкафу, — сказала я. — Керр мог подготовить дополнительное требование заранее. Утром он потерял возможность получить все имущество через торги и сразу воспользовался вторым документом.

Гарет слегка кивнул.

— Согласен.

Распорядитель поднялся.

— Если хотите оспаривать соглашение, советую представить возражения до полудня послезавтра. Палата передаст их судье вместе с заявлением кредитора.

— Что считается основанием для возражения?

— Подделка, нарушение порядка подписания, отсутствие полномочий у сторон, несоответствие основному договору или доказательство того, что обязательства, на которых основано соглашение, уже были выполнены.

Последнее заинтересовало меня больше всего.

— Повторите.

— Если просрочка, указанная в соглашении, была погашена в установленный срок, право на передачу мастерской могло не возникнуть. Я не видел расчетов, поэтому ничего утверждать не могу.

Я взяла копию.

В договоре было написано, что при повторной задержке платежа более чем на тридцать дней кредитор получает право потребовать передачу мастерской.

— Значит, нам нужны платежи за следующие месяцы.

— И документы, подтверждающие их получение Керром.

— Они должны быть у Фарена, — сказала Тарна.

— Если он их не забрал.

Распорядитель уже направился к двери, но я остановила его:

— Еще один вопрос. Если мастерская перейдет Керру, люди и текущие заказы тоже переходят к нему?

— Работники вправе решать сами. Действующие договоры заказчиков рассматриваются отдельно, поскольку заключались от имени Семи Окон.

— А готовая продукция?

— Если она произведена до перехода права, принадлежит нынешнему владельцу, если иное не указано в конкретных договорах.

Это следовало запомнить.

— Спасибо.

Он попрощался и ушел.

Я дождалась, пока Тарна закроет дверь, затем положила копию рядом с кредитным договором.

— Итак, до большого слушания сорок пять дней, а до первой попытки отнять мастерскую четыре. Возражения нужно подать послезавтра. Где хранятся платежные книги за прошлый год?

— Здесь, — ответила Тарна.

Она подошла к нижнему шкафу.

Гарет остался возле стола.

— Савина.

— Что?

— Вы действительно не помните этого соглашения?

Я посмотрела на него.

Вопрос был справедливым.

Он мог считать меня лгуньей, мошенницей или женщиной, которая теперь пытается отменить собственное решение, потому что внезапно получила опекунство над наследницей.

Я могла продолжать объяснять все «провалами памяти», но чем дольше тянула, тем подозрительнее выглядела.

— Я помню гораздо меньше, чем вам кажется.

— Насколько меньше?

Тарна остановилась у шкафа.

Я выбрала единственную версию, которая пока не требовала невозможных объяснений.

— События последних лет вспоминаются кусками. Иногда имя или место мне знакомо, но я не могу вспомнить, что с ним связано. Иногда я вижу свой почерк и не помню, когда писала. Сегодня это произошло уже несколько раз. Я понимаю, насколько удобно это звучит, поэтому и не требую, чтобы вы принимали мои слова на веру.

Гарет некоторое время молчал.

— Вы приехали сюда одна?

— Похоже, да.

— Где ваш экипаж?

Я вспомнила двор. Среди чужих экипажей я не знала ни одного.

— Не знаю.

Тарна вмешалась:

— Госпожа Савина приехала на почтовой карете. Ее высадили у ворот перед самым началом описи.

— Вещи?

— Один дорожный саквояж. Его отнесли наверх.

Гарет нахмурился.

— Вы ехали из Вейры?

Я даже не знала, где находится Вейра.

— Видимо.

— До Вейры два дня пути. Если вы действительно плохо помните дорогу, это началось не здесь.

— Или я просто не хочу сейчас обсуждать себя, когда через четыре дня могут отнять мастерскую.

— Это разные вопросы.

— Для вас. Для меня сегодня все вопросы разные и одинаково неприятные.

Я открыла первую книгу, которую Тарна поставила на стол.

— Хотите проверить мою память — займемся этим после счетов. Хотите помочь Лиссе — садитесь.

Он усмехнулся.

— Вы всегда были несносной.

— Отлично. Хотя что-то во мне осталось прежним.

На этот раз он действительно улыбнулся, хотя всего на секунду.

Это было неожиданно и настолько не вязалось с человеком, который с утра разговаривал со мной как с давней семейной проблемой, что я решила не придавать моменту значения.

У нас были книги.

Очень много книг.

Через два часа я поняла две вещи.

Первая: Керр получал деньги исправно, хотя не всегда вовремя.

Вторая: понять реальное состояние Семи Окон по записям Фарена было почти невозможно.

Он ничего не скрывал прямым способом. Наоборот, бумаги выглядели образцовыми. Каждая сумма имела подпись, назначение и дату. Именно поэтому они вызывали у меня все больше вопросов.

У человека, который ворует грубо, рано или поздно появляется пустое место: пропавшая сумма, несуществующая покупка, странный перевод.

Здесь пустых мест не было.

Зато расходы росли постепенно и очень аккуратно.

Сначала подорожала перевозка.

Потом обслуживание печей.

Потом сырье.

Потом появилась плата за хранение привозного песка.

Потом комиссия посреднику, через которого этот песок приобретали.

Каждая отдельная сумма выглядела объяснимой. Вместе они медленно съедали мастерскую.

— Вот платеж Керру через двенадцать дней после соглашения, — сказал Гарет.

Он работал быстро и методично. Ему не требовалось объяснять, что искать. Мы разделили книги: он проверял кредит и проценты, я расходы мастерской, Тарна приносила нужные папки и сверяла даты.

— Полная сумма? — спросила я.

— Да. Просрочка двадцать семь дней.

Я подняла голову.

— Не тридцать?

— Двадцать семь.

По соглашению право потребовать мастерскую возникало после тридцати.

— Следующий платеж?

Он перелистнул несколько страниц.

— Задержка четырнадцать дней.

— Еще.

— Девять.

— Еще.

Он остановился.

— Тридцать четыре.

Вот оно.

— Когда?

— Пять месяцев назад.

— Оплатили?

— Здесь стоит отметка о переводе на тридцать четвертый день.

— Значит, формально право возникло.

— Да.

— Почему Керр не потребовал мастерскую тогда?

Гарет провел пальцем по строкам.

— Может, решил ждать.

— Чего?

— Большого долга.

— Или удобного момента.

Тарна поставила перед нами новую папку.

— Госпожа Мирена тогда уже очень мало занималась счетами. Почти все вел Фарен.

Я посмотрела на дату.

Пять месяцев назад.

— А Эмрис?

Тарна на секунду прикрыла глаза.

— Господин Эмрис погиб за месяц до этого.

Я не стала спрашивать как. В этой главе и без того хватало чужой боли, которую я могла случайно разворошить.

— Мирена подписывала перевод?

— Скорее всего, да.

— Ее подпись должна быть.

Нашли.

Подпись Мирены стояла под распоряжением о платеже. Сумма совпадала.

Рядом была отметка Фарена: «Средств на счете недостаточно. Исполнение после поступления оплаты от заказчика».

Я перечитала дважды.

— Какого заказчика?

Тарна пожала плечами.

— Здесь не указано.

— Значит, нужно посмотреть поступления перед переводом.

Мы нашли их.

За два дня до платежа Керру мастерская получила большую сумму от строительной компании из столицы.

— Это покрывало долг? — спросила я.

— С запасом, — ответил Гарет.

— Тогда почему Фарен задержал платеж на тридцать четыре дня, если деньги пришли на тридцать второй?

— Разница два дня.

— Два очень дорогих дня. На тридцатый Керр еще не мог потребовать мастерскую. На тридцать четвертый уже мог.

Гарет откинулся на спинку кресла.

— Вы думаете, Фарен специально задержал перевод?

— Пока я думаю, что у него была возможность отправить деньги раньше, чем он это сделал.

— Поступление могло быть зарезервировано под другие расходы.

— Тогда это должно быть видно дальше.

Я перелистнула страницу.

Никакого крупного платежа между поступлением денег и переводом Керру не было.

Только обычные расходы.

— Не было.

Гарет взял книгу.

— Это еще ничего не доказывает.

— Я знаю.

— Но выглядит плохо.

— Вот теперь я согласна со словом «выглядит».

Тарна села в свободное кресло.

— Если господин Фарен действительно помогал Керру, я ничего не понимаю. Керр добивается продажи Семи Окон. Фарен служил здесь двенадцать лет. Куда он пойдет, если усадьбы не станет?

— Возможно, ему обещали место, — сказал Гарет.

— Или деньги, — добавила я. — Или мы ошибаемся, и причина совсем другая.

— Вы опять его защищаете?

— Я защищаю нас от глупости. Если заранее решить, что виноват Фарен, мы будем подгонять под него каждый непонятный счет. А мне нужны доказательства против соглашения Керра, а не удобный виновник.

Гарет задумался, затем вернул книгу.

— Хорошо. Что ищем дальше?

— Основание той просрочки. Если Семь Окон могли заплатить вовремя, но кто-то сознательно задержал перевод, это еще не отменяет соглашение. Однако объяснит, как именно Керр получил право требовать мастерскую. Потом проверим подписи на документах за тот месяц.

— Зачем подписи?

— Потому что Савина тогда уже уехала отсюда или еще была здесь?

Тарна ответила:

— Уже уехала. Она провела здесь почти месяц прошлой осенью.

— А просрочка была пять месяцев назад.

— Да.

— Значит, после отъезда Савины.

Я посмотрела на свою подпись под соглашением.

Настоящая Савина подписала документ одиннадцать месяцев назад, а затем уехала. Само соглашение еще не означало, что она помогала Керру получить мастерскую. Если на момент подписания семье действительно угрожала просрочка, она могла согласиться на дополнительное обеспечение ради отсрочки.

Плохое решение не всегда преступление.

Иногда это просто плохое решение.

— Мне нужно понять, что происходило в тот месяц, когда Савина была здесь, — сказала я. — Тарна, вы помните ссору между сестрами?

Она заметно напряглась.

— Помню только часть.

— Расскажите ту, которую знаете.

— Это семейное дело.

— Теперь семейное дело лежит в палате с моей подписью и угрожает оставить Лиссу без дохода. Так что придется.

Тарна посмотрела на Гарета.

— Не спрашивайте у меня разрешения, — сказал он. — Я тоже хочу знать.

Она некоторое время собиралась с мыслями.

— Госпожа Савина приехала по просьбе Мирены. Первые недели они почти не спорили. Савина сидела над книгами до ночи, несколько раз ездила на склад и в карьер, разговаривала с Арвеном. Потом появился господин Керр.

— Здесь?

— Да. После его визита сестры сильно поссорились.

— Из-за соглашения?

— Возможно. Я слышала только конец разговора. Мирена говорила, что больше не позволит сестре решать за нее. Савина ответила, что пытается не дать им потерять все. Потом Мирена сказала...

Тарна замолчала.

— Что?

— Что деньги всегда были для Савины важнее людей.

Фраза явно жила в этом доме до сих пор.

Она многое объясняла в отношении Лиссы.

— А Савина?

— Она ушла. На следующее утро собрала вещи и уехала.

— После этого сестры снова переписывались?

— Я не знаю. Мирена ничего мне не говорила.

— Соглашение подписано до ссоры или после?

Гарет проверил дату.

— За два дня до отъезда Савины.

Значит, почти наверняка связано.

— Освальд Керр приезжал в день подписания?

— Да, — сказала Тарна.

— Фарен присутствовал?

— Думаю, да.

— Эмрис?

— Конечно. Он тоже подписал.

Четыре человека поставили подписи. Один сейчас требовал мастерскую. Двух уже не было. Четвертая жила в моем теле и ничего не помнила.

Очень удобный договор.

Для Керра.

— Завтра утром поговорим с Арвеном и остальными, кто работал здесь прошлой осенью, — решила я. — Не о ссоре. О поставках, заказах и визите Керра.

Гарет поднялся.

— Уже поздно.

Я посмотрела в окно и только теперь заметила, что снаружи стемнело.

— Сколько мы сидим?

— Достаточно, чтобы Тарна трижды пыталась намекнуть, что ужин давно готов.

Управляющая позволила себе едва заметную улыбку.

— Дважды.

— Третий раз был, когда вы принесли пустой поднос.

— Я надеялась, вы поймете.

— Я поняла, — сказала я. — Через пять минут.

Гарет забрал со стола копию соглашения.

— Через пять минут вы найдете еще одну книгу.

— Тогда через семь.

— Савина.

— Идите. Я догоню.

Он посмотрел на Тарну.

— Проследите.

— Вы оба решили, что я ребенок?

— Нет. С Лиссой легче.

Тарна отвернулась, но я заметила, что она опять скрывает улыбку.

— Пять минут, — повторил Гарет и вышел.

Когда дверь закрылась, я отложила бумаги.

— Он всегда такой?

— Какой?

— Уверенный, что последнее слово принадлежит ему.

Тарна задумалась.

— Обычно последнее слово принадлежит тому, кто убедительнее. Просто господин Гарет привык им быть.

— Это можно исправить.

Она посмотрела на меня с неожиданным интересом.

— Вы и раньше так говорили.

Я повернулась к ней.

— Когда?

— Пять лет назад. Только тогда речь шла о госпоже Мирене.

Вот еще одна нитка между мной и женщиной, чье место я заняла.

— Тарна, какой была Савина?

Она не стала делать вид, что не поняла.

— Вы хотите услышать приятное?

— Полезное.

— Умная. Нетерпеливая. Упрямая. Когда считала себя правой, могла говорить так, что человеку потом весь день хотелось доказать обратное хотя бы из принципа. Госпожу Мирену это особенно сердило.

— Щедрая?

Тарна удивилась вопросу.

— Иногда.

— Жадная?

— Нет.

— Но Мирена сказала, что деньги для Савины важнее людей.

— Во время ссоры люди говорят многое.

— Значит, вы не считали ее такой.

— Я считала, что вы обе слишком хорошо знали, куда ударить друг друга словами.

Это прозвучало правдивее любой попытки оправдать незнакомую мне женщину.

— Почему Лисса уверена, что я не приехала из-за нее?

— Потому что она знает только то, что мать вам писала, а вы не отвечали. Про прошлую осень Мирена попросила при Лиссе не говорить.

— Почему?

— Не знаю.

Мне предстояло очень осторожно разбирать еще и это.

Тарна уже собиралась идти, но я задержала ее:

— Завтра мне понадобятся все счета по песку хотя бы за два года.

— Все?

— Да.

— Их будет много.

— Тем лучше.

— Почему именно песок?

— Потому что мастерская стоит рядом с собственным карьером и при этом покупает привозной почти втрое дороже. Я хочу понять, с какого дня кто-то решил, что это разумно.

За ужином Лисса почти не разговаривала со мной.

Она сидела напротив Гарета, ковыряла вилкой запеченные овощи и отвечала только Тарне, когда та спрашивала, нужно ли принести еще хлеба.

Я не пыталась ее разговорить.

Навязчивая доброта в такой ситуации была бы не лучше равнодушия.

Гарет тоже не заставлял племянницу участвовать в беседе. Мы несколько раз обсуждали завтрашний день, но при Лиссе не упоминали возможную передачу мастерской через четыре дня.

В какой-то момент девочка сама посмотрела на меня.

— Ты правда останешься здесь?

— Я сказала, что останусь.

— Ты много чего говорила маме.

Я положила вилку.

— Похоже, да.

Она ожидала оправдания.

Я не могла его дать.

— И все?

— А что ты хочешь услышать?

Лисса нахмурилась.

— Не знаю.

— Я тоже не знаю всего, что было между мной и твоей мамой. Если начну сейчас придумывать красивое объяснение, тебе от него лучше не станет.

— Ты опять скажешь, что не помнишь?

Гарет поднял глаза.

Я не посмотрела на него.

— Да. Некоторые вещи я действительно не помню.

— А меня?

Вопрос прозвучал тихо.

Я могла соврать.

Сказать, что помню маленькую Лиссу, ее первый шаг, письмо о рождении, подарок, который когда-то отправила настоящая Савина. Ребенку хотелось бы услышать, что его не забыли.

Только ложь потом пришлось бы поддерживать.

— Когда я увидела тебя сегодня во дворе, я не сразу поняла, кто ты.

Лисса опустила глаза.

— Я так и знала.

— Но это не значит, что я собираюсь снова исчезнуть.

— Откуда ты знаешь, если ничего не помнишь?

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы ответить честно.

— Потому что решение остаться я принимаю сейчас.

Она пожала плечами.

— Посмотрим.

И продолжила есть.

Никакого примирения не произошло.

Но мне почему-то показалось, что этот ответ был лучше, чем если бы она сразу поверила.

После ужина Лисса ушла наверх вместе с Тарной.

Гарет дождался, когда дверь закроется.

— Вы могли сказать мягче.

— Могла.

— И?

— Она задала прямой вопрос.

— Ей девять.

— Поэтому я не стала рассказывать ей удобную сказку.

Он хотел возразить, но передумал.

— Вы действительно ничего не помните о ней.

— Я вам это уже сказала.

— Я пытался решить, насколько вам верить.

— И как успехи?

— Плохие.

— У нас много общего.

Он усмехнулся и встал.

— Завтра я поеду в город.

— Зачем?

— Проверю регистрационные книги по соглашению и выясню, когда Керр заявил его впервые. Заодно дам поручение найти Фарена.

— Кому?

— Людям строительной палаты.

— Вы можете использовать их для личного дела?

— Я могу попросить проверить человека, который вел расчеты по контрактам с палатой и исчез после объявления имущественного спора.

— Это уже звучит законнее.

— Рад соответствовать вашим требованиям.

— Возьмите еще список старых заказчиков. Мне нужно узнать, кто из них полностью оплатил поставки, а кто только отмечен в книгах как должник.

— Вы уверены, что хотите поручать мне свои счета?

— Нет. Но у вас есть доступ в палату, которого нет у меня.

Он задержался у двери.

— Вот теперь вы звучите как прежняя Савина.

— Потому что использую людей по назначению?

— Потому что говорите это без малейшего смущения.

— Если хотите, я могу сначала минуту смущаться, а потом все равно дать вам список.

Он рассмеялся.

Не громко, но совершенно искренне.

Я впервые увидела, как сильно меняется его лицо, когда он перестает быть раздраженным родственником и чиновником, привыкшим решать чужие проблемы.

И тут же мысленно одернула себя.

В доме было достаточно долгов без того, чтобы я начинала придумывать новые.

— Доброй ночи, Савина.

— Доброй.

Он ушел.

Я поднялась через несколько минут, но вместо своей комнаты направилась к кабинету.

Тарна оставила мне лампу и ключ.

Если прошлую осень настоящая Савина провела над этими же книгами, возможно, она заметила то же, что сегодня заметила я.

Разница была только в том, что она знала людей и обстоятельства.

Мне приходилось восстанавливать их с нуля.

На следующее утро я пришла в мастерскую раньше Гарета.

Он уехал в город еще до завтрака, оставив короткую записку Тарне. Лисса не вышла к столу, и я не стала спрашивать почему. Тарна сказала, что девочка бывает в мастерской после обеда и очень любит смотреть, как Арвен делает цветное стекло.

Это тоже следовало запомнить.

Арвен встретил меня без вчерашней настороженности, но и без особого восторга.

— Тарна сказала, вы хотите поднять счета за два года.

— Хочу.

— Лучше бы стекло продавали.

— Одно другому не мешает. Заказ для мельницы идет по сроку?

— Идет. Сегодня режем листы.

— Сколько людей осталось?

Он назвал одиннадцать человек.

— А было?

— Двадцать семь, если считать учеников.

— Почему ушли?

— Кому-то задерживали плату. Кого-то переманили. Двое сами открыли маленькие мастерские.

— Вернуться могут?

— Если будет работа и деньги.

— Значит, пока считать их потерянными не будем.

Я прошла вдоль рабочих столов. Один молодой мастер осторожно выравнивал край прозрачного листа. Другой проверял готовые рамы. В дальней части здания стояли четыре печи, но работала только крайняя справа.

Вчера я приняла одну трубу с дымом за признак почти полного упадка.

Сегодня увидела другое.

Одна печь работала стабильно.

Люди знали, что делают.

На складе лежала готовая продукция.

Был действующий заказ.

Это было мало, но это было не ноль.

— Арвен, вчера вы сказали, что можно запустить вторую печь примерно за сто двадцать корон, если она исправна.

— Да.

— Какая из трех остановленных требует меньше всего работы?

Он повел меня к средней.

— Вот эта. Ее остановили не из-за поломки. Фарен велел погасить, когда сократили производство.

— Запустить можно за день?

— Саму печь можно. Только зачем? Я же говорил: хорошего сырья нет.

— Поэтому сегодня не запускаем. Сначала разберемся с песком.

Он посмотрел на меня с одобрением.

— Уже лучше.

— Чем что?

— Чем большинство новых хозяев.

— Я не хозяин.

— Опекун наследницы. Для работников разница небольшая.

— Для суда большая.

— Суд стекло не делает.

— Вот поэтому вы будете говорить мне, что можно сделать с печами, а я постараюсь понять, почему у вас забрали нормальный песок.

Он хмыкнул.

— Договорились.

Я попросила показать все документы, которые хранились непосредственно в мастерской.

Кроме производственного журнала нашлось три старых книги выдачи сырья, записи о браке, тетрадь заказов и пачка квитанций от перевозчиков.

Последние оказались интереснее всего.

— Почему они здесь, а не у Фарена?

— Возчик привозит сырье, мастер принимает и расписывается. Потом квитанцию относят в контору. Эти, видимо, забыли.

— За какой период?

— Смотрите даты.

Я посмотрела.

Почти два года, но нерегулярно. Иногда между квитанциями проходило несколько недель, иногда месяцев.

Мне не нужен был полный архив.

Иногда случайные остатки рассказывают больше аккуратно собранных папок.

— Можно забрать это в кабинет?

— Забирайте.

— И еще один вопрос. Прошлой осенью здесь была Савина Лорк.

Арвен посмотрел на меня так, словно пытался понять, шучу ли я.

— Вы.

— Да. Я.

— Была.

— Что делала?

— То же, что сейчас. Лезла в наши книги.

— Вы были довольны?

— Нет.

— Почему?

— Потому что каждый второй вопрос начинался со слов «а почему».

— Похоже на меня.

— Очень.

— И что я нашла?

Улыбка исчезла.

Арвен отвернулся к печам.

— Что Фарен заказывает слишком дорогой песок.

Вот оно.

— Вы мне говорили?

— Я вам говорил, что новый песок хуже старого. Вы сами полезли в счета.

— И?

— Через несколько дней отправились в карьер.

— Одна?

— С Фареном.

— Что произошло после?

— Вы вернулись злая. Потом приехал Керр.

— А потом я подписала соглашение и уехала.

— Про соглашение я не знал.

— Почему я поссорилась с Миреной?

Арвен нахмурился.

— Я не стоял под дверью.

— Но слухи были.

— Конечно. Здесь двадцать семь работников было. Когда хозяйки кричат друг на друга так, что слышно в коридоре, слухи появляются быстро.

— Что слышали?

Он ответил не сразу.

— Что госпожа Мирена обвинила вас в том, что вы хотите закрыть мастерскую.

Это расходилось со всем, что я предполагала.

— Закрывать?

— Так говорили.

— Зачем?

— Вот этого не знаю.

— А вы верили?

— Тогда да.

— Сейчас?

Арвен посмотрел на одну работающую печь.

— Сейчас я думаю, что если бы закрыли на месяц и разобрались со счетами, возможно, не стояли бы сегодня с одной печью.

Интересно.

Настоящая Савина могла предлагать не спасать производство любой ценой, а временно остановить убытки.

Мирена могла воспринять это как попытку уничтожить дело мужа.

Если Керр в тот же момент предложил деньги и отсрочку в обмен на соглашение, выбор семьи становился понятнее.

— Вы знаете, зачем Савина ездила в карьер?

— Проверить качество.

— И что нашла?

— После той поездки она потребовала перестать покупать привозной песок.

— Но продолжили.

— Да.

— Почему?

— Фарен сказал, что карьер больше нельзя использовать из-за залога.

— Он говорил это уже тогда?

— Нет. Тогда сказал, что добыча временно остановлена из-за спора о праве на участок.

— С кем спор?

— Не знаю.

Две разные причины в разные месяцы.

Сначала спор о праве.

Потом залог Керру.

И каждый раз результат один: мастерская не берет собственное качественное сырье и покупает худшее втридорога.

— Арвен, мне нужны цены на песок за два года. Не счета Фарена, а то, сколько реально стоило сырье у обычных поставщиков.

— Могу спросить у перевозчиков.

— Спросите. Только не говорите пока, зачем.

— Думаете, кто-то предупредит Фарена?

— Думаю, чем меньше людей знают, что мы проверяем, тем меньше случайных объяснений появится заранее.

Он кивнул.

Я уже собиралась уходить, когда заметила у дальней стены Лиссу.

Не знала, как давно она стояла там.

Сегодня на ней было темно-синее платье без траурной строгости вчерашнего серого, а волосы Тарна заплела аккуратно.

Лисса посмотрела на пачку квитанций в моих руках.

— Ты опять считаешь?

— Похоже на то.

— Мама тоже считала.

— Хорошо считала?

— Лучше Фарена.

Арвен кашлянул и отвернулся.

Я подошла ближе.

— Ты часто была здесь с мамой?

— Иногда.

— Она показывала тебе мастерскую?

— Папа показывал. Мама говорила, что я мешаю.

— А ты мешала?

— Конечно.

Ответ был произнесен с таким спокойствием, что я рассмеялась.

Лисса явно не ожидала.

— Зачем тогда приходила?

— Здесь интересно.

— С этим сложно спорить.

Она посмотрела в сторону печи.

— Арвен раньше делал мне маленькие стеклянные фигурки.

— Лисса, — предупредил мастер.

— Я не прошу.

— А звучит похоже.

— Я просто рассказываю.

— Конечно.

Я решила не вмешиваться в их давний спор.

Лисса снова посмотрела на меня.

— Дядя Гарет уехал?

— В город.

— Он всегда уезжает.

Фраза прозвучала без обвинения, и именно поэтому в ней было больше обиды.

— Сегодня вернется.

— Он сказал?

— Да.

— Тогда вернется.

Мне стало интересно, почему его обещанию она верила без оговорок, а моему нет.

Ответ был очевиден.

Потому что Гарет уже возвращался раньше.

Я пока только говорила.

— Ты собираешься отдать мастерскую тому человеку? — спросила Лисса.

Я внимательно посмотрела на нее.

— Какому?

— Который вчера приехал с бумагами.

— Ты слышала разговор?

Она пожала плечами.

— В этом доме все думают, что если меня отправили наверх, я сразу перестаю слышать.

Арвен снова отвернулся, теперь уже явно скрывая улыбку.

— Нет, — сказала я. — Я не собираюсь отдавать мастерскую.

— А если суд скажет?
— Тогда будем спорить с судом тем способом, который разрешен.
— Дядя Гарет говорит, что с судом не спорят.
— Он работает в строительной палате. Ему положено говорить такие вещи.

Лисса прищурилась.

— А тебе что положено?

— Пока не знаю.

Она задумалась над ответом, затем спросила:

— Можно я останусь?

— В мастерской?

— Да.

Я посмотрела на Арвена.

— Если не будет лезть под руки.

— Не буду.

— Вчера ты сказала то же самое и чуть не опрокинула форму.

— Я не опрокинула.

— Потому что я поймал.

— Значит, все хорошо.

Я отвернулась, чтобы не рассмеяться снова.

— Оставайся, — разрешил Арвен. — Но сидишь за дальним столом.

Лисса прошла мимо меня.

Она не поблагодарила.

И не попросила меня остаться рядом.

Но впервые за два дня не ушла, когда появилась я.

Этого было достаточно.

К полудню мой стол в кабинете перестал быть похож на рабочее место и начал напоминать последствия небольшого бумажного бедствия.

Слева лежали счета Фарена.

Справа — квитанции перевозчиков.

Посередине — производственные журналы.

Я составила для себя простую таблицу по месяцам: сколько песка мастерская должна была получить по счетам, сколько продукции выпустила, сколько сырья значилось в остатках и какие подтверждения доставки сохранились.

Первые расхождения появились почти сразу.

Но они были хаотичными.

В одном месяце счет превышал возможный расход на двадцать процентов. В другом почти совпадал. В третьем снова был выше.

Если кто-то выводил деньги, он не делал это одинаковой суммой.

Я дошла до записей двухлетней давности и неожиданно увидела знакомую фамилию.

«Лорк».

На полях рядом с несколькими суммами были сделаны короткие отметки другим почерком.

Я поднесла страницу ближе.

«Проверить доставку».

«Цена выше договора».

«Нет подтверждения склада».

Настоящая Савина.

Она работала с этими книгами не только прошлой осенью.

— Тарна!

Управляющая появилась через несколько минут.

— Что случилось?

— Когда сделаны эти пометки?

Она посмотрела.

— Очень давно. Еще до большой ссоры с Миреной.

— Сколько?

— Наверное, лет шесть назад.

До рождения Лиссы или около того.

— Значит, Савина действительно вела счета.

— Я вам говорила.

— Вы говорили, что помогала. Здесь она проверяла поставки.

— Тогда мастерская была меньше. Госпожа Савина занималась закупками несколько лет.

Еще один кусок прежней жизни встал на место.

Женщина, в теле которой я оказалась, не была случайным родственником, которого позвали посмотреть на цифры.

Она знала это хозяйство.

Знала поставщиков.

Знала цены.

А затем поссорилась с сестрой, ушла и пять лет держалась подальше.

Прошлой осенью Мирена позвала именно ее, когда снова возникли проблемы.

Почему?

Потому что уже доверяла ее способности находить несоответствия, даже если не доверяла ей самой.

— Тарна, кто поставлял песок шесть лет назад?

— Из своего карьера почти все.

— А если не хватало?

— Несколько местных перевозчиков.

— Керр?

— Нет. Господин Керр тогда вообще не работал с Семейю Окнами.

— Когда появился?

Она задумалась.

— Года три назад. Сначала покупал у нас стекло. Потом одолжил деньги на расширение.

Я записала.

Через некоторое время вернулся Гарет.

Он вошел с папкой под мышкой и остановился возле стола.

— Я боялся, что найду вас под этими книгами.

— Еще час, и так бы и вышло. Что узнали?

— Соглашение зарегистрировано правильно. Керр представил его копию нотариусу через два дня после подписания, поэтому заявить, что документ появился только сейчас, не получится.

— Он когда-нибудь требовал по нему мастерскую раньше?

— Нет.

— Даже после просрочки пять месяцев назад?

— Нет. И это интересно.

— Почему?

— Потому что через неделю после той просрочки он заключил с Фареном новый договор на поставку песка.

Я выпрямилась.

— От имени кого?

— Семи Окон.

— Цена?

Гарет достал копию.

Три с половиной короны за меру очищенного белого песка.

Точно та сумма, которую я видела вчера.

— А привозили обычный по две, — сказала я.

— Если верить Арвену.

— Теперь верю больше. У меня есть старые квитанции перевозчиков. В нескольких указано только количество, но без слова «очищенный». Нужно найти тех, кто возил.

— Я уже попросил.

— Быстро.

— Вы дали список.

— Я дала список заказчиков.

— Я расширил задачу.

— Полезная самостоятельность.

Он посмотрел на разложенные книги.

— А у вас?

— Я узнала, что Савина раньше занималась закупками Семи Окон. Не просто немного помогала сестре. Вот ее старые отметки.

Он прочел.

— Я этого не знал.

— Сегодня у нас день разрушения уверенности в собственной осведомленности.

— Не радуйтесь. Я еще кое-что привез.

Он открыл папку на другой странице.

— Я проверил счета строительной палаты. Два года назад Семь Окон выполнили наш большой заказ полностью. Последний платеж был отправлен в срок.

— В книгах он есть?

Мы нашли нужный месяц.

Был.

Сумма крупная.

— А дальше?

— Дальше часть денег должна была пойти на погашение основного кредита.

Я нашла платеж Керру.

Он был меньше ожидаемого почти на треть.

— Куда ушла разница?

— Вот это я хотел спросить у вас.

Мы начали сверять расходы того месяца.

Через двадцать минут нашли.

Песок.

Огромная закупка песка.

Причем мастерская в тот период еще пользовалась собственным карьером.

— Зачем им столько? — спросил Гарет.

Я позвала Тарну, а та отправила мальчишку за Арвеном.

Старший мастер пришел сердитый, потому что его оторвали от работы, но раздражение исчезло, когда я показала цифру.

— Мы столько не получали.

— Уверены?

— Абсолютно. Нам негде было бы это хранить.

— Может, песок ушел прямо в производство?

— Тогда мы сделали бы стекла вдвое больше.

— Остался на складе?

— Нет.

— Продали другой мастерской?

— Я бы знал.

— Кто принимал поставку?

Арвен посмотрел на подпись.

— Фарен.

Гарет медленно отложил книгу.

— За два года до смерти Эмриса.

— Да, — сказала я.

Это было важнее, чем вчерашние подозрения.

Схема началась не после гибели владельца, когда домом стало легче управлять через растерянную вдову.

Кто-то завывал расходы еще тогда, когда Эмрис и Мирена были живы, мастерская работала несколькими печами и имела большой заказ строительной палаты.

— Здесь поставщик указан как «Северный торговый двор», — сказала я. — Кто это?

Арвен пожал плечами.

— Не помню.

Тарна тоже не знала.

Гарет забрал лист.

— Я проверю.

— Подождите. Сначала посмотрим, повторяется ли поставщик.

Повторялся.

Еще через три месяца.

Потом через два.

Суммы отличались, но каждый раз были слишком велики для объема производства.

Я открыла журнал мастерской и стала сравнивать партии.

Картина становилась яснее.

По счетам Семь Окон регулярно покупали очищенный белый песок высшего качества.

По производственным журналам дорогого светлого и огнестойкого стекла выпускалось значительно меньше, чем должно было получиться из такого количества.

А среди случайно сохранившихся квитанций попадались доставки обычного серого песка.

— Мне нужны точные цены того времени, — сказала я.

Арвен провел рукой по волосам.

— Обычный стоил меньше половины белого.

— Насколько меньше?

— Не помню до монеты. Но точно меньше.

— Значит, кто-то мог оформлять закупку дорогого сырья, привозить дешевое, а разницу оставлять себе.

Гарет не торопился соглашаться.

— Или дорогой песок действительно покупали, а потом куда-то продавали.

— Тогда должны быть деньги от продажи.

— Если их не проводили через книги?

— Тогда результат тот же. Деньги уходили из мастерской.

Арвен посмотрел на старые записи так, будто они вдруг стали личным оскорблением.

— Два года назад у нас задержали жалование на три недели.

Я подняла голову.

— В этом же месяце?

Он проверил дату.

— Да.

Сумма, потраченная на лишний песок, была больше, чем требовалось на выплату всем работникам.

Вот почему такие схемы разрушали предприятия медленно. Не обязательно украсть все сразу. Достаточно каждый месяц делать хозяйство немного беднее, чем оно должно быть.

— Кто подписывал оплату поставщику? — спросил Гарет.

Мы посмотрели.

Эмрис Солвей.

Но под его подписью стояла служебная отметка Фарена: «Счет проверен. Поставка принята полностью».

В следующем месяце было то же самое.

И еще раз.

Хозяин мог подписывать то, что управляющий уже представил ему проверенным.

— Это не доказательство вины Фарена, — сказала я прежде, чем Гарет успел высказаться.

— Только доказательство, что документы проходили через него.

— Вы всерьез продолжаете оставлять ему возможность оказаться невиновным?

— Пока да.

— Почему?

— Потому что подпись человека внизу страницы еще не объясняет, куда ушли деньги.

Мы уже один раз видели, как опасно делать вывод только по подписи.

Я постучала пальцем по копии соглашения Керра, где стояло мое имя.

Гарет понял.

— Справедливо.

Арвен ушел обратно в мастерскую, а Тарна отправилась искать старые книги склада.

Мы остались вдвоем.

— Вы сказали утром, что не знаете стекольного дела, — произнес Гарет.

— Не знаю.

— Но за день нашли то, чего здесь не замечали годами.

— Я нашла несоответствие в бумагах. Это не одно и то же.

— Большинство людей на вашем месте уже объясняли бы Арвену, как держать стекло у печи.

— И быстро остались бы без пальцев.

Он поднял бровь.

— Образно.

— Надеюсь.

— Я не собираюсь учить мастеров их работе. Они знают стекло. Я пока знаю только одно: кто-то годами заставлял их работать себе в убыток. Давайте начнем с этого.

Гарет посмотрел на меня несколько секунд.

В его лице не было прежней насмешки.

— Вы действительно хотите спасти Семь Окон.

— А вы до сих пор думали, что я развлекаюсь?

— Я думал, что вы хотите выиграть время.

— Ради чего?

— Не знаю.

— Прекрасная основа для подозрений.

— Савина, одиннадцать месяцев назад вы подписали соглашение, которое сейчас позволяет Керру забрать мастерскую. Пять лет назад вы исчезли из жизни сестры. Сегодня вы

появляетесь в день торгов и вдруг начинаете спасать ее дочь и проверять книги. Вам самой эта история не показалась бы странной?

Я не могла спорить.

— Показалась бы.

— Тогда почему вы злитесь, когда я сомневаюсь?

— Потому что сомневаться можно по-разному.

— И как я должен?

— Например, не решать заранее, что Лиссу нужно увезти, пока мы даже не знаем, можно ли сохранить усадьбу.

Он помолчал.

— Хорошо.

Я не сразу поверила, что услышала.

— Что хорошо?

— До предварительного решения по мастерской я не буду поднимать вопрос о переезде Лиссы.

— Это четыре дня.

— Для начала.

— А потом?

— Потом будем исходить из того, что узнаем.

Это был первый настоящий шаг навстречу.

Небольшой.

Но полученный не потому, что я ему понравилась и не потому, что он неожиданно решил доверять чужой женщине.

Я дала ему факты.

Он изменил решение на основании фактов.

С таким человеком можно было работать.

— Договорились.

Он протянул руку.

Я пожала ее.

Ладонь у него была теплее моей, но я не стала превращать обычное рукопожатие в событие вселенского масштаба.

У нас оставался неизвестный поставщик.

Тарна вернулась ближе к вечеру с тремя пыльными книгами.

— Нашла складские записи.

Мы разложили их по годам.

И через несколько минут увидели то, что окончательно разрушало версию о случайных ошибках.

В счетах Фарена значилось:

«Очищенный белый песок, сто двадцать мер».

В складской книге рукой мастера было записано:

«Песок обычный, сто двадцать мер».

Еще через месяц:

в оплате — девяносто мер белого;

на складе — девяносто мер обычного.

Потом сто пятьдесят.

Потом семьдесят.

Иногда поставки совпадали по качеству. Чаще нет.

Я выписала даты.

— Сколько это длится?

Гарет листал более раннюю книгу.

— Минимум два года.

— Нет.

Я увидела запись на последней странице старого тома.

Три года назад.

Та же разница.

— Вот еще.

Тарна принесла предыдущий год.

Мы продолжили.

Поначалу поставки были редкими. Потом становились все чаще.

Схема росла постепенно.

Сначала одна подмена за несколько месяцев.

Потом две.

Потом почти каждая крупная закупка.

И каждый раз Семь Окон платили как за лучший песок.

— Кто поставщик здесь? — спросила я.

Не Северный торговый двор.

Другое название.

«Керр и сыновья».

Я перечитала строку.

— Освальд?

Гарет взял книгу.

— Его семейная компания. До того как он возглавил стекольную гильдию.

Мы нашли еще одну поставку.

Тоже Керр.

Потом название сменилось на Северный торговый двор, но подпись принимающего осталась прежней.

Фарен.

Я отодвинула книгу и посмотрела на общую таблицу.

Теперь цифры складывались слишком хорошо.

Три года назад Керр начал продавать Семи Окнам сырье.

По документам — дорогое и качественное.

По складским книгам — значительно более дешевое.

Разница уходила неизвестно куда.

Из-за возрастающих расходов мастерской стало не хватать собственных денег.

Потом Керр одолжил семье крупную сумму.

Через некоторое время получил усадьбу в залог.

Еще позже — соглашение на мастерскую.

То есть человек сначала зарабатывал на поставках, которые делали предприятие слабее, а затем становился кредитором этого же предприятия.

— Если это подтвердится квитанциями перевозчиков, — сказал Гарет, — Керру будет сложно объяснить разницу.

— Особенно если найдем реальные цены.

— Найдем.

Я закрыла последнюю книгу.

За окном уже темнело, но сегодня усталость ощущалась иначе.

Вчера у нас был долг почти в тридцать две тысячи, исчезнувший управляющий и документ с моей подписью.

Сегодня долг никуда не делся.

Соглашение тоже.

Но впервые появился вопрос, который угрожал уже не нам.

Почему Освальд Керр годами получал оплату за одно сырье, если в Семь Окон привозили другое?

Я еще раз проверила самую раннюю запись.

Дата была на три года старше нынешнего соглашения.

За два с лишним года до смерти Эмриса.

Задолго до того, как Лисса осталась без родителей и чужие люди приехали оценивать ее дом перед торгами.

— Гарет.

— Я вижу.

— Значит, все началось не после смерти Мирены и Эмриса.

Он медленно закрыл книгу.

— Нет.

Я посмотрела на фамилию Керра в старом счете и на подпись Фарена под приемкой.

Кто-то начал вытаскивать деньги из Семи Окон тогда, когда хозяева были живы, мастерская работала в полную силу, а о продаже усадьбы никто еще не говорил.

И если мы хотели понять, почему сегодня у Лиссы чуть не отняли дом, искать нужно было не в последних месяцах.

Нужно было вернуться на три года назад.

Глава 3. Первая печь

— Вернуться на три года назад мы можем только в книгах, — сказал Гарет. — А возражения против передачи мастерской нужно подать завтра до полудня.

Я еще раз посмотрела на старый счет с фамилией Керра.

— Значит, ночью не будем пытаться раскрыть всю схему. Нам достаточно доказать, что требование Керра нельзя рассматривать отдельно от его же поставок.

— Суду понадобятся основания, а не подозрения.

— Они у нас есть. В счетах оплачено одно качество песка, в складских книгах принято другое. Поставщиком сначала была компания Керра, потом Северный торговый двор. Есть повторяющиеся расхождения за три года. Есть странная просрочка, которая дала Керру право потребовать мастерскую. И есть исчезнувший управляющий, принимавший большую часть спорных поставок.

— Все это выглядит убедительно, но пока не доказывает, что Керр знал о подмене.

— Для завтрашнего возражения нам и не нужно доказывать всю его вину. Нужно показать суду, что размер задолженности и условия ее возникновения требуют проверки до передачи мастерской кредитору.

Гарет провел ладонью по подбородку и еще раз просмотрел выписанные мной даты.

— Вы хотите добиться отсрочки.

— Я хочу не позволить Керру забрать единственное имущество, которое приносит Лиссе деньги, пока мы выясняем, сколько из этих денег он сам помог вывести.

— Формулировку про вывод денег в суде лучше не использовать.

— Поэтому там будете говорить вы.

— А вы?

— Стоять рядом и выглядеть благоразумной.

Он поднял глаза.

— Сложная задача.

— Но вы справитесь. Главное, не раздражайте меня перед заседанием.

Тарна, собиравшая книги в стопку, тихо фыркнула.

Я посмотрела на нее.

— Я начинаю подозревать, что вы слишком быстро привыкли к моему возвращению.

— Я еще не решила, привыкла ли.

— Честный ответ.

Гарет закрыл последнюю

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.